

К.А. Баршт (Санкт-Петербург)

**К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОМАНА
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»:**

борьба Н.И. Соловьева с «нигилистами» и «лекция» С.Т. Верховенского

Аннотация. В статье предлагается гипотеза об источнике формирования одного из ключевых событий первой главы третьей части романа «Бесы» («Праздник») – речи Степана Трофимовича Верховенского, в которой противостояние «людей 1840-х годов» и «революционных демократов» 1860-х обретает форму социального скандала. Согласно выдвигаемой в статье версии, при создании этой сюжетной линии Достоевский опирался на конфликт и многолетнюю жесткую полемику о морально-эстетических ценностях и общественных приоритетах между ведущим критиком журнала «Эпоха» Николая Соловьевым и «нигилистами» в лице Д.И. Писарева, М.А. Антоновича, В.А. Зайцева и других сотрудников журналов «Современник» и «Русское слово».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; Н.И. Соловьев; Д.И. Писарев; журнал «Эпоха»; нигилисты; творческая история; утилитаризм; речь Степана Трофимовича Верховенского.

K. Barsht (Saint-Petersburg)

**To the Creative History of F.M. Dostoevsky's Novel "The Possessed":
Nikolay Soloviev's Struggle Against "Nihilists" and "the Lecture"
by Stepan Verkhovensky**

Abstract. The article proposes a hypothesis about the source of the formation in one of the key events at the first chapter in the third part of the novel *The Possessed* (*The Holiday day*) – a speech by Stepan Trofimovich Verkhovensky, in which the confrontation between “peoples of the 1840-ies” and “revolutionary democrats” of the 1860s turned to the social scandal. According to our version, creating this part of the storyline Dostoevsky relied on the conflict and years of hard debates about the moral and aesthetic values and public priorities between the leading critic of the magazine “Epoha” Nikolay Soloviev and “nihilists” represented by D.I. Pisarev, M.A. Antonovich, V.A. Zaitsev and other members of staff journals *Sovremennik* and *Russkoe Slovo*.

Key words: F.M. Dostoevsky; N.I. Soloviev; D.I. Pisarev; the magazine “Epoha”; nihilists; creational history; utilitarianism; the speech by Stepan Trofimovich Verkhovensky.

В сюжете романа «Бесы» значимое место занимает эпизод, когда «либерал 1840-х гг.» Степан Трофимович выходит на свое последнее, жертвенное сражение с «нигилистами» и произносит эмоциональную речь о роли эстетического идеала на «литературном празднике» у губернатора Лембке. Выйдя на ристалище со «сверкающими глазами», он провозглашает свой символ веры – торжество идеала Красоты-Добра-Истины, при-

глашая собравшуюся в зале «прогрессивную молодежь» согласиться с тем, что стремление к этим когнитивным вершинам в современном поколении не иссякло, но просто произошла небольшая подмена понятий, сбившая «молодежь» с пути истинного. Сопровождаемый выкриками «Донос!», «Долой!», «Провокатор!», «Каламбуры сороковых годов!» или просто бессвязным шумом, выражающим негодование, Степан Трофимович, срываясь на крик, проповедует свои идеалы, без которых, по его мнению, жизнь человека лишается какого-либо смысла:

«Я, отживший старик, я объявляю торжественно, что дух жизни веет по-прежнему и живая сила не иссякла в молодом поколении. Энтузиазм современной юности так же чист и светел, как и наших времен. Произошло лишь одно: перемещение целей, замещение одной красоты другою! Все недоумение лишь в том, что прекраснее: Шекспир или сапоги, Рафаэль или петролей? <...> А я объявляю, – в последней степени азарта провизжал Степан Трофимович, – а я объявляю, что Шекспир и Рафаэль – выше освобождения крестьян, выше народности, выше социализма, выше юного поколения, выше химии, выше почти всего человечества, ибо они уже плод, настоящий плод всего человечества и, может быть, высший плод, какой только может быть! Форма красоты уже достигнутая, без достижения которой я, может, и жить-то не соглашусь... <...> Сама наука не простоят минуты без красоты, – знаете ли вы про это, смеющиеся, — обратится в хамство, гвоздя не выдумаете!.. Не уступлю! – нелепо прокричал он в заключение и стукнул изо всей силы по столу кулаком»¹.

Основные тезисы этой «речи» можно свести к следующему: 1) эстетический идеал первичен, все остальное вторично и второстепенно, вполне по Ф. Шеллингу и в согласии с мнением самого Достоевского на этот счет, 2) произведения искусства, созданные гениальными писателями и художниками, суть наивысшие ценности, которыми обладает человечество, технические достижения и «прогресс» имеют относительный или просто приносят вред, 3) приоритет науки перед искусством, на котором настаивал Д.И. Писарев и другие «нигилисты», есть миф, т.к. область компетенции научного знания весьма ограничена и не затрагивает главное в жизни человека, кроме того, высшая творческая свобода человека возможна только в искусстве. Здесь необходимо вспомнить, что именно по этим трем пунктам шла полемика между, с одной стороны, журналами братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» и, с другой стороны, «прогрессистами» и «утилитаристами» из редакции и круга авторов «Современника» и «нигилистами» «Русского слова». Главной ударной силой журнала «Эпоха» в 1864–1865 гг. был столь же эстетически воодушевленный, прекраснотушный и наивный в жизни и в своих писаниях критик Николай Иванович Соловьев, пародией на ожесточенную борьбу которого с «нигилистами», видимо, и является воспроизведенный выше эпизод романа «Бесы».

Н.И. Соловьев (1831–1874), выпускник медицинского факультета Киевского университета (1855), участник Крымской кампании 1853–1855 гг.,

обратился к публицистике в начале 1860-х гг., печатался в «Отечественных записках», журнале братьев Достоевских «Эпоха», других изданиях, плоды его литературной деятельности были собраны в трехтомнике «Искусство и жизнь» (М., 1869). К Ф.М. Достоевскому Соловьев впервые обратился в августе 1864 г., предложив для журнала статью «Теория безобразия», направленную против эстетики «нигилистов», засилья «реализма» и «прогрессизма», замешанных на социалистической идеологии. Достоевский услышал в ней мысли, выраженные с обескураживающей откровенностью и, главное, созвучные его собственным взглядам, и опубликовал в № 7 «Эпохи» за 1864 г., снабдив специальным примечанием редакции:

«С удовольствием печатаем эту статью (из губернии), хотя и не во всем согласны с ее почтенным автором. Но не согласны мы, говоря относительно, только в мелочах, например в некоторых суждениях его о наших современных литераторах и проч., но главная, основная идея его совершенно разделяется нами. Нам особенно приятно указать читателям на твердый, искренний и благородный тон этой статьи; так может выражаться только твердое убеждение и искреннее желание добра. Статья эта до крайности наивна – не можем этого не заметить».

Далее Достоевский указывает на свое решительное несогласие с идеями Д.И. Писарева и В.А. Зайцева, отрицавшими значение искусства и пропагандировавшими эстетический утилитаризм. Донкихотский выпад молодого начинающего критика против авторитетных фигур нигилизма вызвал восхищение Достоевского, и он добавляет: «несмотря на эту странную наивность, или, лучше сказать, может быть, через эту-то именно наивность, – статья г-на Соловьева нам особенно симпатична. Слышен голос свежий, голос, далекий от литературных сплетен и от всей этой литературной каши. Это голос самого общества, голос тех всех, которые уж, конечно, имеют право иметь о нас свое мнение... Мы помещаем статью г-на Соловьева почти без изменений и просим его сотрудничества»².

После публикации этой статьи Соловьев стал постоянным автором «Эпохи» вплоть до ее закрытия, опубликовав далее работы: «Теория пользы и выгоды» (1864, № 11), «Бесплодная плодовитость» и «Женщинам» (1864, № 12), «Дети» (1865, № 1), «Разлад. Критика критики» (1865, № 2). Следует отметить, он был искренним и убежденным почитателем творчества Достоевского, и после финансового краха журнала «Эпоха» не раз приглашал писателя участвовать в тех изданиях, с которыми сотрудничал сам («Беседа», «Русский мир» и др.). Его, по выражению Н.Н. Страхова, «блистательная карьера» как одного из главных антинигилистических критиков 1860-х гг. совершилась благодаря Достоевскому, который «отворил» ему «узкие и тесные двери литературной арены», как засвидетельствовал Соловьев в своем письме от 17 февраля 1871 г.³ В основе писаний Соловьева лежала концепция «почвенничества», с прибавлением христианской этики и романтического идеализма, принятая им не как партийная программа, но как выстраданное, сознательно принятое убеждение. Осо-

бую сложность его жизни как философа и писателя придавало то, что у него было двое родных братьев, отчаянных «нигилистов», с которыми он был в ссоре по идейным соображениям⁴. Главное, что привлекало Достоевского в этом человеке – его принципиальность, честность и бесстрашие в борьбе с уродливыми идеями «нигилистов», отрицавшими фундаментальные ценности культуры. Он писал о Соловьеве как о «достоинейшем» человеке, талант и оригинальность которого слабо оценили современники и который, по мнению Достоевского, входит в число «замечательных литературных деятелей нашей эпохи, сгоряча не замеченных или криво понятых поколением»⁵. Отметим эти слова: «криво понятых» – эта «кривизна» в понимании современниками того, что писал и говорил Н.П. Соловьев, и стала одним из сюжетобразующих факторов в романе «Бесы».

В своих статьях Соловьев жестко придерживался избранной им концепции «эстетической критики», провозглашая независимость литературы от экономики и связывая ее с духовными запросами человека, ищущего смысл своей жизни. Об этом он писал не только в указанных статьях журнала Достоевского, но и публикациях в «Отечественных записках», «Всемирном труде», «Русском вестнике», в статьях, посвященных творчеству Гончарова, других писателей. Основная стратегия его деятельности – ниспровержение «реальной критики» Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, В.А. Зайцева, М.А. Антоновича, В.П. Буренина и др. Особенность восприятия статей Соловьева современниками заключалась в том, что написанные страстно, с большим воодушевлением и пафосом, они неизменно встречали свист и улюлюканье в среде нигилистический настроенной «передовой общественности». Колорит «затхлости» его идеологии придавало нескрываемое следование заветам В.Г. Белинского, а также канонам эстетики немецкой классической философии, связывающих в одно целое этику, эстетику и онтологию.

Соловьев писал: «Идеи морали неразрывно связаны с идеями красоты, этика – с эстетикой; нравственное чувство есть не что иное как чувство эстетическое, примененное только к действительной жизни»⁶. Отсюда ясно, что любой текст, находящийся в противоречии с нравственным чувством (бытийным самоощущением человека), становится бессмысленным и несостоятельным. Писания авторов «Русского слова», в которых утверждалось прямо обратное и с которым воевал журнал Достоевского, он воспринимал как прямую угрозу человечеству, нравственно-эстетической опорой бытия которого является Красота, со стороны «эстетики безобразия», направленной на то, чтобы лишить человека смысла его бытия, обратив в животное. В своей одноименной статье Соловьев оперирует данными естествознания, концепциями Чарльза Дарвина, Томаса Бокля, Карла Риттера и Адольфа Кетле, стремясь победить «научную критику» ее же оружием. Согласно его логике, базисом современного общества является духовная культура, основным генератором которой служит литература, в то время как наука «ничего не может объяснить, кроме физиологической сущности явлений. Группировать же и улавливать эти явления и опреде-

лить их жизненный смысл может только искусство. Оно только дает нам средство к высшему уразумению жизни»⁷. Эта «мизерная и слабая», по мнению М.А. Антоновича, мысль Соловьева⁸, вызывала у «нигилистов» желание тут же подключить к обозначенной концепции имена деятелей искусства, формируя, по их мнению, явный парадокс: «каким образом Моцарт и Фанни Эльслер, Тальма и Рубини ухитрились бы пристроить свои великие дарования к какому-нибудь разумному делу», спрашивал Д.И. Писарев⁹, недвусмысленно давая понять, что он понимает под «разумным делом».

Теория «общественной пользы», понятая «нигилистами» в марксистском духе, предполагавшем в экономике «базис общества», критиковалась Соловьевым во всех его статьях, начиная с первой. Не без иронии он писал о критиках «Современника», без конца пережевывающих «до тошноты» «Бокля, Льюиса и Дарвина»¹⁰. В следующей своей работе, «Теория пользы и выгоды», он опровергал заявленную теорию тем, что человек не исчерпывается «насушным», не сводится к физиологическому объекту, организму, живущему исключительно материальными потребностями. Такой подход Соловьев считал ошибочным, ограничивающим человека и искажающим его историческую роль в Мироздании, пресловутый «хлеб насушный» не будет нужен человеку, потерявшему смысл своей жизни¹¹. Эти мысли Достоевский воспринимал как свои собственные и потому мог написать: «В одном из самых последних № прекратившегося в то время журнала “Эпоха” (чуть ли не в самом последнем) была помещена большая критическая статья о знаменитом романе Чернышевского “Что делать?”. Эта статья замечательная и принадлежит известному перу»¹².

Сам Соловьев не тушевался под градом жесточайшей критики со стороны значительно превосходивших его сил, но продолжал будоражить «демократический лагерь» разного рода уколами, например: «Что такое нигилисты? Это не мужчина и не женщина, это какое-то бесполое существо, гермафродит в юбке»¹³. Он писал: «Красота и истина – два идола, которым люди будут вечно поклоняться. Отрицатели искусства думают не так. <...> они утверждают, что воображением и сердцем совсем не нужно жить <...> поэт же нечто вроде горохового шута»¹⁴. За эти и подобные им формулировки Соловьев подвергался моральному избиению со стороны «нигилистов».

Д.В. Писарев называл «Эпоху» «журнальной богадельней» за совершенно архаические, по его мнению, взгляды на роль искусства в жизни общества. Главной мишенью, разумеется, был Соловьев, по словам критика, «начавший с недавнего времени украшать своими статьями критический отдел “Эпохи”». Отмечая те же самые свойства стиля Соловьева, что и Достоевский – «невинность и простодушие этого писателя сквозят в каждой его строке» – Писарев усматривал в статьях критика черты зловерного эстетизма, стоящего, по его мнению, на пути, прогресса. Согласно его мнению, функция Соловьева в журнале «Эпоха» состоит в том, чтобы «сокрушаться и скрежетать зубами по поводу каждой из моих критиче-

ских статей»¹⁵. Основная же причина этого «зубовного скрежета» – идеологическая отсталость Соловьева, который не желает принять за истину учение Маркса и Дарвина и тем самым становится главной мишенью для «нигилистов», борющихся против враждебной им идеологии, которая ставит «Пушкина» выше чем «сапоги». Подвергая Соловьева моральному избиению, Писарев учил: ««Эстетика, безотчетность, рутина, привычка – это все совершенно равносильные понятия», отсюда эстетик – это «чувствительный тунеядец»¹⁶.

На фоне известного неделикатного стиля статей «реалистов», трактующих взгляды своих оппонентов, выпады против Соловьева поражали грубостью и цинизмом. Такие термины как «тупоумие», «бессовестность», «пегий критик», «вопли» сочетались с утверждением, что в его голове царит «невообразимый хаос», а в своих статьях он лжет «самым бессовестным образом»¹⁷. В своей известной статье «Реалисты» Писарев многократно подчеркивает, что «новому человеку» не нужно искусство, «Рахметов может обходиться без <...> шекспировской драмы»¹⁸. Смысл «нигилизма», как он выглядит в глазах идеологических соперников, Писарев с сарказмом формулирует как отрицание всего того, «из чего нельзя изготовить обед, сшить платье или выстроить жилище голодным и прозябшим людям. Понимая нас таким образом, они, конечно, должны были ожидать, что мои размышления о науке и искусстве будут заключать в себе бесконечные упреки Шекспиру, Гете, Гейне и другим подобным негодьям за трату драгоценного времени на непроизводительные занятия. Они ожидали, вероятно, что я так и пойду косить без разбору: Шекспир – не Шекспир, Гете – не Гете, черт мне не брат, все дураки, и знать никого не хочу»¹⁹. Эта самоирония никого обмануть не могла, на самом деле, именно это, по сути, «нигилисты» и утверждали. Сам Писарев, через несколько страниц своей статьи, отмечает, что его «радует увядание нашей беллетристики как симптом возрастающей зрелости нашего ума»²⁰. Что же касается его главного противника, Н.И. Соловьева, то, по мнению Писарева, в его писаниях «нет никакого осязательного смысла, а есть только бессильное желание обляять и оклеветать» (речь идет об эмансипации женщин)²¹, а свои сведения о предмете полемики Н.И. Соловьев собирал в «овощной лавочке» или в «распивочном заведении»²². Наполненная бранью и издевательствами статья Писарева стала высшей точкой по накалу страстей в журнальной полемике о роли искусства в жизни современного общества. Трудно найти представителя «демократической» критики, который не бросил бы свой камень в Соловьева – это также Н.П. Огарев, М.А. Антонович, П.Н. Ткачев, ему доставалось за «стриженных нигилистов»²³, «маскарадного кривляния»²⁴ и «гермафродитов в юбке»²⁵. Статья Писарева «Реалисты» создала Соловьеву репутацию бездарного литератора, глупого ретрограда, полностью утерявшего связь с реальностью.

Новый этап травли Соловьева со стороны представителей «демократического лагеря» наступил после появления его сборника статей в 1869 г. – очередная волна критических отзывов обрушилась на его голову. Рецензия

М.Е. Салтыкова-Щедрина дала уничижительную оценку его трудам в анонимной рецензии «Отечественных записок» (1871 г.), в ней царствовала ирония относительно любимой мысли Соловьева, что «исправление жизни» возможно лишь если в нее удастся «вдохнуть животворное начало» красоты²⁶. С не менее жесткими оценками выступили и другие печатные органы, например, «Дело» Н.В. Шелгунова. Слава беспримерного докисхотствующего поборника «чистого искусства» окончательно закрепилась за Соловьевым после его статьи «Идеалы», опубликованной в 1867 г. научно-литературном журнале «Всемирный труд».

В борьбе Соловьева с «нигилистами» постоянно фигурировало имя Вильяма Шекспира. В полемике с Писаревым критик воспроизвел большой кусок его статьи, касающийся Шекспира, добавив свои рассуждения о смысле слов и поведения Гамлета²⁷. Постоянные столкновения на тему «Шекспир или сапоги» между Соловьевым и критиками «демократического лагеря» заставляли Писарева проектировать «шекспировский конфликт» в своей статье «Реалисты». С другой стороны, ясно, что именно теория утилитаризма, в карикатурном виде представленная Писаревым, и царствовала в умах большей части представителей «демократического лагеря». Что касается литературы, она отодвигалась на второй план, являя собой еще один, хотя и не лучший, способ донести до человека научные знания; что касается «художественности», то хоть бы ее и не было: «От формы требуют только, чтобы она не мешала содержанию, то есть чтобы тяжелые и запутанные обороты речи не затрудняли собою развитие мысли»²⁸. Никаким образом, по мнению Писарева, художественная литература не помогает «умственному или нравственному совершенствованию человечества», являясь чем-то вроде «рюмки очищенной водки» или «трубки махорки», но и то, и другое равно по своей ценности «взвизгиваниям Олдриджа в роли Отелло»²⁹. Не находя различий между всеми этими явлениями, Писарев с сарказмом призывает на помощь Соловьева, чтобы он помог найти в них хоть какую-нибудь пользу³⁰; единственным достойным человека применением его разума является, по мнению Писарева, наука³¹.

Претензии Соловьева к утилитаристам и теории «пользы» сводились к двум основным тезисам: 1) польза не является конечным пунктом усилий человека по определению себя в мире и имеет относительный характер, 2) польза окрашена идеей эгоизма, который прямо ведет к безнравственности. В то время как искусство: фиксирует усилие человека в высшем акте самопознания и самоопределения, а также связывает людей нравственной связью, воспитывает в них чувство любви и уважения к другому. Заканчивая свою статью «Теория пользы и выгоды», он саркастически называет «утилитаризм» путем к самоуничтожению человечества, который предлагает «сигары вместо Шекспира»³².

Следует отметить, что Соловьев был поклонником и во многом единомышленником Т.Н. Грановского, основного прототипа Степана Трофимовича Верховенского. В своей последней статье в журнале Достоевского «Разлад. Критика критики» он прямо указывает на выдающую роль Гра-

новского в формировании идеологии целого поколения:

«Наше предшествующее поколение было преимущественно поколение дворян. И большая честь и заслуга этого сословия, что оно произвело ряд гуманных личностей, которые сгруппировались вокруг Грановского. Теперешнее модное поколение есть большей частью поколение семинаристов: нигилизм есть своего рода семинаризм, оторвавшийся от своего слоя. Но один из людей прежнего времени (Тургенев) окрестил, сказал похвальное и вместе надгробное слово этому направлению. Будущее поколение, как качается, есть поколение парода и людей, которые сумеют к нему как следует примкнуть. Дети и парод наше будущее»³³.

Сочувственные воспоминания о своем рано умершем друге и единомышленнике Н.И. Соловьеве Достоевский положил в основу эпизода романа «Бесы», где на подобного рода жертвенный бой с обнаглевшими «нигилистами», высоко подняв свое знамя красоты правды, выходит Верховенский-старший – трагическая и трогательная тень дорогих для писателя и безвозвратно ушедших 1840-х гг.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-04-00210: «Текстологическое исследование и дипломатическая транскрипция “первой записной тетради” Ф.М. Достоевского (1864–1865 г.)».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Достоевский Ф.М. Бесы* // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. Л., 1974. С. 371–373.

² *Соловьев Н.П. Теория безобразия* // Эпоха. 1864. № 7. Отд. 5. С. 1.

³ *Битюгова И.А., Викторovich В.А., Кийко Е.И., Орнатская Т.И.* Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. Т. 2. 1865–1874. СПб., 1999. С. 274.

⁴ *Никитенко А.В. Примечания* // Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. Т. 3. <Л.>, 1956. С. 416.

⁵ *Достоевский Ф.М. Примечания к статье «Севастопольские подвижницы»* // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 289.

⁶ *Соловьев Н.П. Теория безобразия* // Эпоха. 1864. № 7. Отд. 5. С. 4.

⁷ *Соловьев Н.П. Теория безобразия* // Эпоха. 1864. № 7. Отд. 5. С. 8.

⁸ *Батюто А.И., Битюгова И.А., Кумпан К.А., Никитина Н.С., Орнатская Т.И., Туниманов В.А., Фридендер Г.М., Хмелевская Н.А.* Примечания // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 20. Л., 1980. С. 424.

⁹ *Писарев Д.И. Реалисты* // Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. Т. 2. Л., 1981. С. 136–137.

¹⁰ *Соловьев Н.И. Теория безобразия* // Эпоха. 1864. № 7. Отд. 5. С. 12.

¹¹ *Соловьев Н.И. Теория пользы и выгоды* // Эпоха. 1864. № 11. Ноябрь. Отд. 9. С. 2.

¹² *Достоевский Ф.М. Нечто личное* // Достоевский Ф.М. Полное собрание со-

чинений: в 30 т. Т. 20. Л., 1980. С. 423–424.

¹³ Соловьев Н.И. Искусство и жизнь. Ч. 2. М., 1869. С. 12.

¹⁴ Соловьев Н.И. Теория безобразия // Эпоха. 1864. № 7. Отд. 5. С. 2.

¹⁵ Писарев Д.И. Прогулка по садам российской словесности // Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. Т. 2. Л., 1981. С. 267, 281, 302–305.

¹⁶ Русское слово. 1864. №10. С. 26.

¹⁷ Писарев Д.И. Прогулка по садам российской словесности // Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. Т. 2. Л., 1981. С. 315.

¹⁸ Писарев Д.И. Реалисты // Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. Т. 2. Л., 1981. С. 11.

¹⁹ Писарев Д.И. Реалисты // Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. Т. 2. Л., 1981. С. 124.

²⁰ Писарев Д.И. Реалисты // Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. Т. 2. Л., 1981. С. 124.

²¹ Писарев Д.И. Прогулка по садам российской словесности // Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. Т. 2. Л., 1981. С. 303.

²² Писарев Д. И. Прогулка по садам российской словесности // Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. Т. 2. Л., 1981. С. 303.

²³ Соловьев Н.И. Искусство и жизнь. Ч. 1. М., 1869. С. 293–294.

²⁴ Соловьев Н.И. Искусство и жизнь. Ч. 2. М., 1869. С. 172–173.

²⁵ Ткачев П.Н. Примечания // Ткачев П.Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1975. С. 613–614, 622.

²⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. «Суета сует». Соч. Николая Соловьева. Москва. 1870 г. // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 9. М., 1970. С. 392–395.

²⁷ Соловьев Н.И. Теория безобразия // Эпоха. 1864. № 7. Отд. 5. С. 3.

²⁸ Писарев Д.И. Реалисты // Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. Т. 2. Л., 1981. С. 131.

²⁹ Писарев Д.И. Реалисты // Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. Т. 2. Л., 1981. С. 136.

³⁰ Писарев Д.И. Реалисты // Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. Т. 2. Л., 1981. С. 137.

³¹ Писарев Д.И. Реалисты // Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. Т. 2. Л., 1981. С. 151.

³² Соловьев Н.И. Теория пользы и выгоды // Эпоха. 1864. № 11. Ноябрь. Отд. 9. С. 16.

³³ Летописец [Соловьев Н.И.] Разлад (Критика критики) // Эпоха. 1865. № 2. Февраль. Отд. 9. С. 38.

References (Monographs)

1. Bityugova I.A., Viktorovich V.A., Kiyko E.I., Ornatskaya T.I. *Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo* [The Chronicle of Life and Creativity of F.M. Dosto-

evsky]. Vol. 2. 1865–1874. Saint-Petersburg, 1999, p. 274. (In Russian).

Константин Абрекович Баршт – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, отдел Новой русской литературы, Группа Достоевского.

Области научных интересов: история русской литературы, нарратология, идеография в рукописях писателя, творчество Ф.М. Достоевского и А.П. Платонова.

E-mail: konstantin_barshat@pushdom.ru

Konstantin Barsht – Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher at the Institute of Russian literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Department of New Russian literature, Group of Dostoyevsky.

Research interests: history of Russian literature, narratology, ideograph in writer's manuscripts, works by F.M. Dostoevsky and A.P. Platonov.

E-mail: konstantin_barshat@pushdom.ru